
Международные отношения в XVI — начале XX в. и Россия

Николай Никитин

Russia in international relations from the 16th through the early 20th centuries

*Nikolay Nikitin (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Имперская проблематика в последние десятилетия активно разрабатывается как отечественными, так и зарубежными исследователями¹, и углублённое изучение её внешнеполитических аспектов представляется делом не просто интересным и плодотворным, но и весьма актуальным. В новой коллективной монографии, подготовленной в Институте российской истории РАН, поставлена задача показать место нашей страны в системах международных отношений, существовавших в Европе с 1570-х гг. по 1917 г., т.е. за весь *de facto* имперский период истории России². Полагаю, что выход этого труда будет способствовать отказу как от идеализации, так и от демонизации внешней политики России. В нём представлен на редкость трезвый взгляд на историю международных отношений в XVI — начале XX в.

Первые две главы монографии относятся к допетровскому периоду: А.В. Виноградов рассматривает участие России в международных договорах 1570 — начала 1580-х гг., Е.И. Кобзарева — её место в Вестфальской системе 1648—1686 гг. Следующие три главы охватывают XVIII в.: Г.А. Санин, подводя итог деятельности московской дипломатии того периода, обращается к роли России в формировании Утрехтско-Ништадтской системы в первой четверти столетия, М.Ю. Анисимов исследует её кризис, а Г.А. Гребенщикова — международные отношения во второй половине XVIII в. XIX веку также отведены три главы: объектом исследования Е.П. Кудрявцевой стала Венская система международных отношений 1815—1854 гг., В.М. Хевролина определила место России в Крымской системе 1856—1877 гг., а в разделе И.С. Рыбачёнок речь идёт о Берлинской системе 1878—1914 гг. Последняя, IX глава, написанная А.В. Игнатьевым, переносит читателя уже в XX в.: в ней рассматриваются союзнические отношения России в 1917 г. Во введении и заключении (скромно названными их автором и ответственным редактором монографии И.С. Рыбачёнок

© 2017 г. Н.И. Никитин

¹ См., например: *Каптелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000; *Геллер М.* История Российской империи. В 2 т. М., 2001; *Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей.* М., 2004; *Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления.* Воронеж, 2004; *Ливен Д.* Российская империя и её враги с XVI в. до наших дней. М., 2007; *Каррер д'Анкокс Э.* Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М., 2007; *Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011.

² От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 440 с. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием страницы.

«Предисловием» и «Послесловием») дан общий обзор затрагиваемых в рецензируемом труде проблем с указанием на нерешённость некоторых вопросов.

Как хорошо видно из материала первых двух глав, в середине XVI–XVII вв. геополитические интересы России и сопредельных стран были диаметрально противоположными, так что все свои договорные отношения она оформляла с враждебно настроенными соседями. На первом месте среди противников России в то время, как известно, неизменно оказывалась Речь Посполитая. Но она же была и наиболее частым партнёром на переговорах с Москвой, а потому система договоров между двумя сторонами, опирающаяся на давние и многолетние традиции, оказалась наиболее отлаженной. Вторым по значимости противником России была Швеция, которую московские правители тем не менее долгое время не считали равноценным партнёром при переговорах, что наложило отпечаток на тактику дипломатических отношений двух государств. В качестве третьего (но тоже давнего) геополитического противника России в монографии представлено Крымское ханство, за спиной которого стояла могущественная Османская империя. В книге показана вся сложность русско-крымских отношений, определявшаяся тем, что, хотя Москва стремилась прежде всего предотвратить татарские набеги на Русь, русским дипломатам приходилось учитывать и претензии Крыма на вошедшие в состав России «мусульманские юрты» в Поволжье, и его крайне болезненную реакцию на военно-политическое присутствие России на Северном Кавказе. Всё это превращало «Восточный вопрос» в один из основополагающих факторов системы договоров Московского государства с сопредельными.

Ведущие европейские державы относились к России как к второстепенной отсталой стране, не считали её частью Европы, но были не прочь использовать «москвитов» в своих геополитических интересах. Показательны в этом отношении отмеченные в рецензируемой монографии обстоятельства заключения Вестфальского мирного договора, завершившего Тридцатилетнюю войну. В число его гарантов был включён и «великий князь Московский» (по настоянию Швеции и в качестве её союзника), и хотя упомянут он был на предпоследнем месте (перед князем Трансильвании), в Европе сам факт этого включения вызвал недоумение (с. 74).

В такой ситуации русской дипломатии было крайне сложно отстаивать выгодные для себя позиции. Но причины её провалов, как явствует из монографии, носили не только объективный характер. Авторы неоднократно отмечают, что для XVI–XVII вв. были характерны невысокая степень информированности Москвы о раскладе политических сил в мире, переоценка своих возможностей и недооценка военно-политического потенциала противника, преувеличение степени готовности европейских стран к заключению союзных договоров с Россией (с. 78, 81, 86, 89, 95). Поэтому неудачи московской дипломатии того времени были закономерны и касались не только постоянного крушения матримониальных планов русских государей, отказа в признании за ними царского титула или демонстративного унижения русской стороны на переговорах посредством игнорирования общепринятого дипломатического протокола, но и вещей более серьёзных, отражавших слабую степень включённости России в систему международных отношений и как следствие — международную изоляцию.

Вместе с тем в монографии показаны и успехи московской дипломатии XVI–XVII вв., пусть пока довольно скромные и часто выглядевшие как

компромиссы. Бесспорными же её достижениями авторы считают удачу в борьбе за сохранение Ям-Запольского перемирия в 1585 г., срыв попыток создания антирусской коалиции в конце XVI в., возрастание политического влияния Москвы на европейские дела во второй половине XVII в., Андрусовское перемирие и признание ведущими европейскими державами итогов русско-польской войны за Украину, «вечный мир» с Польшей и превращение России в активного участника антиосманской коалиции.

Отмечается также значительный рост информированности правящих кругов России о европейских делах к концу XVII в. А общим итогом её внешнеполитической деятельности в этом столетии, согласно сформулированному в монографии мнению, стало «превращение России в ведущее государство Восточной Европы» (с. 74, 87, 111). Последнее утверждение, однако, выглядит не вполне убедительным на фоне признания того, что «Россия по-прежнему являлась европейской периферией» (с. 82). Применительно к тому времени было бы правильнее говорить лишь о создании предпосылок для перехода России в новое качество полноправного члена международного сообщества, что и произошло в следующем столетии, но тоже далеко не сразу.

Как совершенно новый этап в истории внешней политики страны закономерно показана в монографии Петровская эпоха. Если в начале правления Петра I отношение к России ведущих европейских государств было демонстративно пренебрежительным, а с началом Северной войны — откровенно враждебным, то с её завершением Россия стала одним из центров сложившейся к тому времени новой системы, пришедшей в конце концов на смену системе Вестфальской, крах которой, согласно высказанному в монографии мнению, ознаменовала не война за испанское наследство (как принято считать), а начавшаяся ранее Северная война (с. 162).

В книге показаны качественные сдвиги в деятельности российской дипломатии. На смену эпизодически отправляемым за границу посольствам пришли постоянные представительства России в столицах ведущих европейских государств. Существенно вырос и профессионализм российских дипломатов, не раз демонстрировавших в сложных ситуациях как решительность, так и разумную осторожность, что, впрочем, не могло гарантировать внешнеполитический курс страны от серьёзных неудач. Дипломатия Петра I не смогла предотвратить вступление Османской империи в войну с Россией, в результате после авантюрного Прутского (Дунайского) похода Россия потеряла всё, что отвоевала у турок к 1700 г., лишилась выхода к Азовскому морю, вынуждена была отказать от украинского Правобережья и участия в польских делах.

Бесспорным достижением российской дипломатии в тот период Г.А. Санин считает Амстердамское соглашение с Францией в 1717 г., повлекшее за собой прекращение поддержки ею Швеции, с одной стороны, а с другой — признание Россией Утрехтского мирного договора, положившего конец войне за испанское наследство. К числу побед петровской дипломатии в монографии отнесён и провал английских планов по созданию антироссийской коалиции, а подлинным триумфом признано заключение Ништадского мирного договора со Швецией, приведшего к созданию Утрехтско-Ништадтской системы международных отношений, которая, в отличие от фактически биполярной Вестфальской системы, стала полицентричной, причём «третьим полюсом» оказалась в ней Россия. В этой связи в монографии ставится вопрос о международном статусе страны. Санин приходит к выводу, что «ко времени заключения в 1721 г.

Ништадского мира со Швецией Россия соответствовала» всем критериям великой державы (с. 160).

Однако существуют и другие мнения. Одно из них получило отражение в следующей (пятой) главе монографии, продемонстрировавшей отсутствие в авторском коллективе единства по данному вопросу. Оно представляется мне более обоснованным. По мнению М.Ю. Анисимова, «лишь при Елизавете Петровне Россия окончательно “вошла” в Европу как одна из великих держав, определяющих её будущее» (с. 189). Об истинном отношении Европы к России в конце Петровской эпохи можно судить и по приведённым в монографии фактам: даже императорский титул Петра при его жизни так и не был признан большинством ведущих европейских стран³, и хотя ни один существенный вопрос европейской политики уже не решался без участия России, великие европейские державы всё ещё не считали её равным себе партнёром.

За признание и сохранение своего великодержавного статуса России пришлось бороться в течение всего XVIII в. В монографии отмечены утрата этого статуса Швецией (при сохранении ею великодержавных амбиций) и его приобретение Пруссией, резкое обострение противостояния Англии и Франции, неоднократные перегруппировки союзов европейских государств, включая Россию. В области внешней политики перед страной вплоть до конца XVIII в. стояли три главные задачи: сохранение status quo на северо-западном направлении (т.е. отпор попыткам Швеции взять реванш); решение в свою пользу «польского вопроса», обострившегося ввиду всё более явной деградации Речи Посполитой; обеспечение безопасности южных рубежей от перманентной угрозы со стороны Крыма и Турции, борьба за выход к Черноморскому побережью. И все эти задачи были Россией до конца XVIII в. успешно решены.

За семь десятилетий, прошедших после смерти Петра Великого, России пришлось участвовать в девяти военных кампаниях⁴ и неоднократно вступать в коалиции с другими государствами. Практически постоянным её союзником в то время была Австрия, а главным противником — Турция (хотя один раз — на исходе столетия — они на короткое время оказались в одном антифранцузском лагере). Естественным союзником России являлась Дания. Временами в одной коалиции с Россией выступали Швеция, Франция и Пруссия, но гораздо чаще они находились в стане её противников. В конце XVIII в. их ряды пополнила Персия. Сложнее всего складывались отношения с Англией: от союзнических (и чуть ли не дружественных) они порой перерастали в столь враждебные, что страны оказывались на грани войны. Её, правда, России удавалось предотвращать с помощью дипломатии.

Авторы монографии в целом очень высоко оценивают деятельность российских дипломатов XVIII в., особо отмечая гр. А.П. Бестужева-Рюмина, А.С. Стахиева, М.М. Философова, гр. С.Р. Воронцова. В качестве крупнейшей из неудач XVIII в. представлена «дипломатическая революция» Петра III, совершившего разворот в сторону Пруссии в 1762 г. и перечеркнувшего «все достижения елизаветинской дипломатии предшествующих лет» (с. 202). Совершенно нереалистичными выглядят некоторые внешнеполитические планы Екатерины II. Так, её

³ Его признали лишь Пруссия, Голландия, Швеция, Дания и Венеция (*Павленко Н.И.* Пётр Великий. М., 1994. С. 426–427).

⁴ Война за польское наследство (1733–1735 гг.), за австрийское наследство (1740–1748 гг.), Семилетняя война (1756–1763 гг.), две русско-шведские войны (1741–1743 гг. и 1788–1790 гг.), три русско-турецкие войны (1736–1739, 1768–1774, 1787–1791 гг.), Персидский поход 1796 г.

«Греческий проект», предусматривавший захват турецкой столицы и воссоздание под эгидой России «Византийской державы», был явно неисполним — из-за позиции ведущих европейских государств, не желавших дальнейшего укрепления позиций России в мире (с. 243).

В сложившейся после наполеоновских войн Венской системе международных отношений (1815—1856) Россия некоторое время играла ведущую роль, правда, разделяя её с другой страной-победительницей — Великобританией. Но если позиция последней в Европе в течение всего XIX в. неуклонно укреплялась, то российское влияние, напротив, уменьшалось, завершившись практически полной международной изоляцией накануне Крымской войны 1853—1856 гг. Излагая ход событий, приведших к такому финалу, авторы монографии подводят читателя к мысли о том, что главной причиной неудач стали дипломатические просчёты Петербурга, коренившиеся в самоуверенности, недальновидности и неверном анализе международной обстановки (с. 292). Это, разумеется, не означало, что весь почти 40-летний период существования Венской системы был для внешней политики России провальным. В составе созданного в сентябре 1815 г. по инициативе Александра I Священного союза, провозгласившего право (и даже обязанность) участников вмешиваться во внутренние дела других государств и явившегося, по словам Е.П. Кудрявцевой, «неким прообразом современной европейской интеграции» (с. 269), Россия наряду с Австрией и Пруссией поначалу довольно успешно противостояла росту революционного движения в Европе. Установленный благодаря усилиям России новый мировой порядок способствовал стабилизации общей политической обстановки в Европе, обеспечивал ей мир в течение 40 лет.

Вместе с тем для самой России участие в деятельности союза имело в целом негативные последствия, поскольку сдерживало реализацию собственных геополитических задач (с. 266). Самая значимая из них была связана с «Восточным вопросом», имевшим для России, как причерноморской державы, первостепенное значение. Но во время греко-турецкого конфликта начала 1820-х гг. «Россия в очередной раз была вынуждена отступить, подчиняя свои интересы “коллективным” решениям и иллюзорному “единству Европы”, оказавшись в плену собственных политических построений» (с. 271). И даже высшее достижение петербургской дипломатии в отношениях с Османской империей — заключённый в 1833 г. Ункяр-Искелесийский договор, предоставивший России исключительные права в Проливах — было под давлением западных держав принесено в жертву «европейскому согласию»: Петербург фактически отказался от завоёванных в Турции позиций, а наибольшие выгоды от этого получили Англия и Франция, которые быстро находили «общий язык, когда речь заходила о противостоянии с Россией» (с. 273).

Шаги России навстречу европейским партнёрам, расходящиеся с её собственными интересами, порой вызвали у них удивление, но отнюдь не чувство благодарности. Видимо, жертвуя собственными интересами во имя «общеевропейского единства» или помогая монархам отдельных стран удержаться у власти во время революций, Петербург наивно рассчитывал хотя бы на дружественный нейтралитет или моральную поддержку в будущих противостояниях с другими державами. Но в стремлении не допустить укрепления позиций России в мире западноевропейские государства при всех своих разногласиях были на редкость единомышленны (с. 284, 291).

Не обойдён в рецензируемой работе ещё один момент, важный для понимания международного положения России в середине XIX в. Как известно,

Крымской войне, которая в рецензируемой монографии характеризуется как «Первая мировая война XIX столетия» (с. 264, 291), предшествовал спор о Святых местах. Он был спровоцирован уступкой турецкого султана требованию Франции передать преимущественное право распоряжаться ими католическому духовенству и традиционно рассматривался в историографии лишь в качестве повода к русско-турецкой войне. Е.П. Кудрявцева (автор главы о Венской системе) не считает возможным трактовать этот спор «лишь как второстепенный фактор международных разногласий» и полагает, что «уступить в вопросе о Святых местах означало признать капитуляцию православия перед католицизмом, чего Россия... допустить не могла». И утрата ею права покровительства над православным населением Османской империи «одновременно означала и потерю политического влияния в регионе, и дискредитацию всей её внешнеполитической доктрины в целом» (с. 285, 292). Это, безусловно, верное заключение.

Крымская система международных отношений датируется в рецензируемой монографии 1856—1877 гг. и ассоциируется с утратой Россией важнейших завоеваний предшествующего периода, падением её престижа (в том числе утратой права покровительства христианским народам Османской империи), с отстранением от активного участия в европейских делах. Особенно болезненным для страны было запрещение иметь военный флот и укрепления на Чёрном море, лишавшее её южные рубежи действенной защиты. Добиться отмены этого запрета стало первостепенной задачей российской дипломатии на пути к достижению главной цели — восстановить былую роль своей страны в мире.

В таких условиях в Петербурге сочли за благо укрепить позиции на Востоке, итогом чего явилось завоевание Средней Азии и присоединение к России приамурских земель, остановившее проникновение в этот регион европейских держав, в первую очередь той же Англии. Победоносно завершилась для России и Кавказская война. В конечном итоге «азиатская политика России заставляла считаться с ней и давала определённый козырь в руки российской дипломатии» (с. 310). В феврале 1859 г., заключив соглашение с Францией, Россия вышла из международной изоляции, но союз двух держав продолжался недолго. Явное стремление Наполеона III к гегемонии в Европе и поддержка Францией (как и большинством других европейских стран) польского восстания заставили Россию сделать ставку уже на Пруссию, ибо объединение германских государств, являвшееся главной целью канцлера Бисмарка, было невозможно без демонтажа Крымской системы, что совпадало и с российскими интересами (с. 319—320). Дружественный нейтралитет России позволил Пруссии разгромить Францию в 1870 г. и затем объединить Германию, а благодаря поддержке Пруссии осенью того же года Россия смогла объявить об отказе от обязательств не держать свой флот на Чёрном море, с чем европейские державы, несмотря на крайнее недовольство Англии, вынуждены были согласиться.

Однако, отмечается в монографии, восстановить былую роль в Европе России не удалось, как и реализовать планы на Балканском полуострове, нацеленные на создание там независимых христианских государств, с помощью которых можно было бы установить свой контроль над Черноморскими проливами. Не помог воплощению в жизнь этих замыслов и Союз трёх императоров — российского, германского и австро-венгерского, созданный в 1873 г. и единый лишь в своём стремлении бороться с революционным движением. Союзники не собирались способствовать усилению позиций России

в Балканском регионе, поэтому вполне предсказуемым было поведение Германии и Австро-Венгрии на Берлинском конгрессе, созванном по инициативе ведущих европейских держав для пересмотра итогов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Союзники предали Россию, и она, снова очутившись в изоляции, вынуждена была отказаться от ряда важнейших положений Сан-Стефанского мирного договора с Турцией. Плодами побед русского оружия воспользовались Англия и Австро-Венгрия, в Османской империи возросло влияние Германии, а проведенное в соответствии с Берлинским трактатом территориально-политическое размежевание на Балканах стало «миной замедленного действия», провоцируя новые кризисы и войны (с. 327–336).

В монографии подчёркивается, что Россия вынуждена была пойти на крупные уступки партнёрам на переговорах, учитывая огромные людские потери в победоносно закончившейся войне, общее состояние своей армии и финансовой системы, а также начинавшийся подъём революционного движения в стране. Но для более полного представления об условиях работы российских дипломатов следовало бы, наверное, указать ещё раз на одно обстоятельство: общественное мнение Западной Европы было практически целиком на стороне Османской империи⁵.

Общий итог внешнеполитической деятельности Петербурга в период существования Крымской системы получил в монографии неоднозначную оценку: «Успехи российской дипломатии чередовались с явными неудачами». В числе же главных её заслуг названо «решение ряда важнейших задач мирными средствами, без втягивания в европейскую войну». В этой связи высоко оценивается роль канцлера А.М. Горчакова, «отлично учитывавшего быстро менявшуюся ситуацию в Европе», а его неудачи объясняются тем, что в последней четверти XIX в. развитие международных отношений приобрело крайне динамичный и сложный характер, а российской дипломатии приходилось иметь дело с партнёрами более агрессивными и решительными (с. 329).

Политика европейских держав в период существования следующей — Берлинской — системы, приведшей непосредственно к Первой мировой войне, показана в монографии как ещё более жёсткая, а комплекс взаимосвязанных проблем, стоявших тогда перед Россией, определяется следующим образом: «Укрепить влияние в балканских государствах; наладить отношения с Турцией; поддерживать установленный международными трактатами режим Черноморских проливов в противовес его английской версии; обеспечить рубежи владений в Центральной Азии и противодействовать там английской экспансии; упрочить границы на Дальнем Востоке, сохраняя мирные отношения с соседями» (с. 337). В ходе реализации этих планов в 1887 г. был подписан протокол о российско-афганской границе, предотвративший дальнейшее разрастание конфликта с Англией на крайне чувствительном для неё «индийском направлении». В 1884 г. был заключён русско-корейский договор о дружбе, позволивший России потеснить в дальневосточном регионе позиции ведущих мировых держав. В 1886 г. в соответствии с Хунчунгским протоколом было завершено уточнение границы с Китаем. Однако общий итог дальневосточной политики России оказался для неё печальным. Русско-японское соперничество в Корее и Северо-Восточном Китае привело к войне 1904–1905 гг., закончившейся для России позорным поражением, потерей Южного Сахалина, утратой влияния

⁵ См.: *Виноградов В.Н.* Русско-турецкая война 1877–1878 годов и европейские державы // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 127–143.

в Корее и Маньчжурии (перешедших под контроль Японии), падением международного престижа.

Причинами поражения России, как известно, стали не только её неподготовленность к войне (в том числе отсутствие в правящих кругах единства по вопросу о приоритетном финансировании армии или флота), неудачный выбор Порт-Артура как главной военно-морской базы, недооценка противника, бездарное командование и начало революции. Большую роль сыграла также помощь Японии со стороны Запада, прежде всего США и Англии, считавших Россию более опасным соперником, чем было уже их роковой ошибкой, почему-то не отмеченной в рецензируемой монографии. Впервые в истории нового времени азиатское государство нанесло крупное военное поражение одному из ведущих европейских. Это событие совпало с начавшейся эпохой «пробуждения Азии» и получило огромный резонанс в её странах, способствуя бурному росту национально-освободительного и антиколониального движения, крепко ударившего по интересам западных держав в регионе, а в самой Японии, уверовавшей в собственную несокрушимость, привело к дальнейшему росту шовинизма и милитаризма, вылившегося в итоге в Пёрл-Харбор и широкомасштабную, крайне тяжёлую для США и Великобритании войну на Тихом океане в 1941–1945 гг.

На европейском и ближневосточном «театрах дипломатических действий» успехи России показаны в рецензируемой монографии так же, как более, чем скромные. В числе причин неудач названы промахи «личной дипломатии» Николая II (во время его поездки по Европе), наивность и недалёковидность министра иностранных дел А.П. Извольского, надеявшегося, в частности, «договориться» с европейскими державами и «мирно решить вопрос о Проливах», переоценка Россией своего влияния на балканские страны (с. 374, 376). Однако главным препятствием на пути достижения Россией своих целей, как вытекает из монографии, по-прежнему являлась консолидированная позиция западноевропейских держав, стремившихся не допустить усиления российского влияния в мире. Вполне закономерными выглядят поэтому и «дипломатическая Цусима» во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг., и неудачи попыток примирить Болгарию с Сербией, и в целом нежизнеспособность созданного под эгидой России Балканского союза, и провал попыток добиться автономии Турецкой Армении, и дальнейшее укрепление позиций Австрии на Балканах, а Германии – в Турции (с. 376–377, 387).

В монографии нашли отражение как сложность Берлинской системы международных отношений, так и её неуклонное разрушение в ходе последовательно сменявших друг друга кризисов – Болгарского 1885–1888 гг., Ближневосточного 1894–1898 гг., Крито-Македонского 1901–1905 гг., Боснийского 1908–1909 гг. и, наконец, Балканских войн 1912–1913 гг., ставших прелюдией Мировой войны. Россия в их ходе чаще проигрывала, чем выигрывала, так что в конце концов постоянно менявшаяся расстановка политических сил в мире и рост зависимости от иностранных кредиторов с роковой неизбежностью направили её в лагерь Франции и Англии.

В годы Первой мировой войны согласованность военных усилий союзников по Антанте оставляла желать лучшего, поскольку «наряду с единством главной цели – ликвидации угрозы германской гегемонии – между Лондоном, Парижем и Петербургом существовали серьёзные расхождения», ибо союзники больше всего опасались «чрезмерного усиления России в результате победы» (с. 394).

Это особенно наглядно было продемонстрировано в традиционно важном для России вопросе о Черноморских проливах. В Петербурге ещё до Февральской революции отдавали себе отчёт в том, что «если не захватить Проливы раньше окончания войны, то получить их не удастся из-за противодействия союзных держав» (с. 395). Но по мере падения боеспособности российской армии и нарастания разрухи в стране правительство корректировало свою позицию и по Проливам. И если после Февраля 1917 г. министр иностранных дел П.Н. Миллюков ещё пытался придать идее их аннексии новое звучание, то его преемники уже рассчитывали лишь на «обеспечение свободы сношений России с южными морями, основанной не на приобретении Константинополя и Проливов, а на договорах» (с. 395, 397, 401, 422).

К концу 1917 г. всё более отчётливо стала проявляться тенденция к полному игнорированию союзниками интересов России, к ведению ими переговоров и заключению соглашений за её спиной. Возникает вопрос, была ли в данном случае победа России в принципе достижима. Думается, само вступление её в войну являлось роковой ошибкой Петербурга, вполне осознававшейся многими политическими деятелями, предрекавшими своей стране из-за этой войны поражение и революционный взрыв⁶.

Но ещё большей политической ошибкой явилось заключение уже большевиками сепаратного Брестского мира. И трудно согласиться с А.В. Игнатьевым (автором раздела) в том, что «выход из войны даже такой ценой был оправдан» (с. 426). Этот мир, помимо огромных материальных (территории, контрибуция) и имиджевых потерь, стал одной из важных причин Гражданской войны.

Рецензируемое исследование, безусловно, выполнено на высоком профессиональном уровне и заслуживает самых высоких оценок. Однако будет уместно высказать авторам монографии ряд пожеланий. Прежде всего, надо отметить, что при большой «плотности» работы и её насыщенности конкретно-историческим материалом он далеко не всегда находит отражение в обобщениях и выводах, а некоторые важные страницы истории международных отношений в монографии практически не освещены. Например, комплекс вопросов, связанных с участием России в коалиции против революционной Франции в конце XVIII в. — ему посвящён лишь абзац на с. 253. Вскользь и явно недостаточно в монографии говорится о причинах упорной борьбы России за выход к морям.

При всей обширности использованной в рецензируемой монографии литературы приходится констатировать досадные пробелы и в этой области. Конечно, привлечь к работе все имеющиеся на сегодняшний день публикации по истории внешней политики России невозможно, но крупные исследования, вышедшие в последние годы, учитывать всё-таки желательно, в связи с чем хотелось бы обратить внимание авторов монографии, в частности, на диссертации Е.Н. Солодкиной и М.В. Толкачёва⁷.

Не обошлось в рецензируемой работе и без неточностей. В 1637–1642 гг. донские казаки не осаждали турецкую крепость Азов (как написано на с. 85), а, напротив, захватив её в июне 1637 г., удерживали, в том числе в ходе своего знаме-

⁶ См.: *Островский А.В.* Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? // Исторические записки. Вып. 15. М., 2014. С. 206–207.

⁷ *Солодкина Е.Н.* Англо-русские отношения второй половины XVI — начала XVII в. в отечественной историографии 1920–2000-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартонск, 2010; *Толкачёв М.В.* Европейское направление во внешней политике России в период правления Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова. Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2011.

нитого «осадного сидения», продолжавшегося с 24 июня по 26 сентября 1641 г.⁸ На с. 89 утверждается, что до 1667 г. Русское государство не отправляло посольств с целью информирования монархов наиболее могущественных держав о своих военных победах, но это не совсем так. Например, о сокрушении Сибирского ханства русским послам предписывалось «извещать» иноземных государей ещё в конце XVI в.⁹

Надо прямо сказать: историография не является сильной стороной рецензируемого исследования. Как указывается во введении к нему, «авторы... касались спорных вопросов лишь по мере необходимости» (с. 6), однако чем же определяется эта мера, не вполне ясно. Складывается впечатление, что авторы руководствовались установкой просто обходить острые дискуссионные вопросы истории внешней политики России. Полемика, если иногда и встречается на страницах монографии, то носит довольно осторожный характер, что, конечно, далеко не всегда оправдано.

Так, у авторов монографии почему-то не возникло необходимости определиться с собственной позицией по поводу деятельности Екатерины II. Между тем, если, например, Н.И. Павленко полагает, что при ней Россия во всех войнах выступала не агрессором, а жертвой агрессии со стороны традиционных недругов¹⁰, то такие историки, как М.А. Рахматуллин или А.Б. Каменский, отстаивают противоположную точку зрения. По их мнению, с которым мне сложно согласиться, политика Екатерины II носила откровенно экспансионистский, агрессивный характер¹¹. Жаль, что в рецензируемой монографии эти мнения не получили ни отражения, ни оценки.

При чтении работы порой складывается впечатление, что писали её не историки, а дипломаты — настолько «сдержанными» и «политкорректными» оказываются использованные в ней формулировки. Но стремление авторов обойти «острые углы» в истории взаимоотношений России с другими государствами порой не позволяет читателю составить достаточно полное представление об истинных причинах действия сторон и «тайных пружинах» европейской политики. И остаётся только сожалеть, что в рецензируемой монографии не нашлось места некоторым давно известным фактам, наглядно показывающим подлинное отношение западноевропейских стран к России на протяжении веков.

Напомню, что ещё польский историк XV в. Ян Длугош, оправдывая экспансию своей страны на Русь, писал о неспособности русских управлять государством, и именно польская точка зрения, изложенная в сочинениях конца XV — начала XVII в. на латинском, немецком и итальянском языках, долго определяла взгляды европейцев на Россию¹². Пожалуй, наиболее последовательным выразителем этих взглядов был король Сигизмунд III. В 1611–1612 гг. в переписке с римским папой и европейскими монархами он, убеждая тех в правомерности своих действий в Московии, сравнивал их с походами испанцев в Африке и Америке,

⁸ См.: Куц О.Ю. Азовское осадное сидение 1641 года. М., 2016.

⁹ Акишин М.О. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. 2015. № 3. С. 53–54.

¹⁰ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 242.

¹¹ Рахматуллин М.А. Непоколебимая Екатерина // Отечественная история. 1996. № 6. С. 25; Каменский А.Б. Екатерина II // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 85; Каменский А.Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 202.

¹² См.: Карнаухов Д.В. История средневековой Руси в польской хронографии конца XV — начала XVII вв. Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2011. С. 38, 46.

а русских называл дикарями, подобными африканским и индейским племенам, и врагами всего христианского мира. Широкое распространение в Речи Посполитой получили идеи, согласно которым раз «несколько сот испанцев победили несколько сот тысяч индейцев», то и московитов будет покорить несложно, ибо они «вряд ли храбрее индейцев». Поэтому на русской территории планировалось создание укрепленных польских поселений, и в качестве образца таковых брались португальские крепости в Северной Африке¹³. А придворный французского короля Генриха IV герцог Сюлли, отзываясь о «москвитях» как о варварском народе, при изложении своего плана переустройства Европы предлагал «царя русского», в случае неприятия им этого плана, «лишить его владений в Европе и отбросить в Азию»¹⁴.

Вплоть до конца XVII в. ведущие европейские страны относили Россию к «варварским державам», которые им предстоит «освоить», превратив в свои колонии. В 1670 г. знаменитый немецкий философ Лейбниц ради вечного мира предложил европейским государствам направить свою завоевательную энергию вовне, разделив между собой зоны колониальной экспансии. И если для Англии и Дании, согласно этому плану, предназначалась Северная Америка, для Испании — Америка Южная, а для Франции — Африка, то для Швеции — Россия¹⁵. Ситуация в принципе не меняется и в XVIII в., и в начале следующего столетия.

Уместной была бы в рецензируемой монографии и общая характеристика европейской дипломатии. Как заметил один из видных исследователей Петровской эпохи, тогда «дипломатия передовых стран отличалась таким двуличием, коварством и лживостью, какие московским дипломатам и не снились»¹⁶.

Справедливости ради надо отметить, что общие выводы работы согласуются с этим материалом (с. 305, 313–314, 427–428). И если отталкиваться от всего комплекса использованных в монографии источников, а также называть вещи своими именами, то мы придём к следующему заключению. Настороженно-враждебное отношение к России было характерно для Западной Европы на протяжении практически всей истории их взаимоотношений. Союзы России с отдельными европейскими странами обычно носили кратковременный характер и не влияли на общую стратегию Запада, который не хотел видеть Россию в статусе сильной независимой державы и всеми силами пытался препятствовать ей в его обретении. Претензии России при отстаивании своих национальных интересов обычно намного уступали амбициям и аппетитам других держав и никогда не выходили за рамки, считающиеся для каждой исторической эпохи вполне естественными. Но ведущие европейские государства, видимо, исповедовали принцип «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку», и стремление «варварской России» добиться равного с собой статуса воспринимали как вызов. Политика «двойных стандартов» в отношении России — давняя и устойчивая традиция европейской дипломатии.

Периодическая международная изоляция России была не только результатом каких-то ошибок её правителей в проведении внешнеполитического курса: это была неизбежная плата за возможность самого существования страны в качестве суверенного государства. По словам французской исследовательницы Э. Каррер

¹³ См.: Мильников А. Близкие и далёкие // Родина. 2001. № 1–2. С. 73; Морозова Л. Е. Два взгляда Сигизмунда III на Русское государство // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 133.

¹⁴ См.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 28–29.

¹⁵ Там же. С. 423.

¹⁶ Там же. С. 96.

д'Анкос, «у России без империи было мало шансов выжить. Но империя, которая её спасала, вызывала нетерпимость со стороны её соседей»¹⁷.

Поэтому крайне наивными выглядят попытки российских правителей наладить дружеские и взаимовыгодные отношения с Западом путём односторонних уступок ему или отказа от собственных национальных интересов в пользу интересов «общеевропейских». Исторический опыт показывает, что добиться таким способом расположения Запада не удастся.

Означает ли это неизбежность открытой конфронтации? Конечно же, нет. Как пишет И.С. Рыбачёнок в послесловии к книге, тезис, согласно которому «у России только два надёжных союзника — её армия и флот, можно дополнить. Третьей точкой опоры при решении насущных задач Российской державы, безусловно, служила дипломатия» (с. 428). На дипломатов прежде всего и надо уповать. Но лишь в том случае, если они смогут учесть как положительный, так и отрицательный опыт своих предшественников.

¹⁷ Каррер д'Анкосс Э. Незавершённая Россия. М., 2010. С. 68.

Общественное мнение и законодательство об историко-культурном наследии России (XX — начало XXI в.)

Валерий Перхавко

Public opinion and legislation about historical and cultural heritage of Russia (from the 20th to the beginning of the 20st century)

*Valeriy Perkhavko (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Многочисленные памятники отечественной истории и культуры отличаются заметным разнообразием и охватывают все этапы исторического развития России. В них запечатлены передаваемые из поколения в поколение трудовые опыт и мастерство, ратная история, культурные свершения наших предков. Признание памятниками тех или иных остатков духовной и материальной культуры — свидетелей прошлого — зависит от уровня и направленности развития исторического сознания общества, его общей культуры.

История охраны и изучения российских историко-культурных реликвий на протяжении XVIII — начала XX в. в основном отражена в учебных пособиях и научно-популярной литературе, однако детально не изучена с научной точки зрения¹.

© 2017 г. В.Б. Перхавко

¹ См., например: *Формозов А.А.* Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; *Полякова М.А.* Охрана культурного наследия России. М., 2005; *Шаманаев А.В.* Охрана культурного наследия в России (XVIII — конец XX века): учебное пособие. Екатеринбург, 2005; *Галай Ю.Г.* Земли родной минувшая судьба: охрана историко-культурного наследия дореволюционной России. Нижний Новгород, 2008; *Гуркина Н.К., Исаев А.П.* Охрана культурного наследия в России: история и современность: Учебное пособие. СПб., 2011.